

К ВОПРОСУ О КАМЕННООСТРОВСКОМ ЦИКЛЕ

В последние годы, почти одновременно, появился ряд работ, рассматривающих в качестве цикла несколько метрически аналогичных пушкинских стихотворений, написанных летом 1836 г. на Каменном острове, — подход, который еще в 50-х годах был предложен Н. В. Измайловым после обнаружения автографа «Мирской власти»¹. Цифры над текстами стихотворений в авторских рукописях — важнейшее основание для такой постановки вопроса — стали теперь одним из популярных текстологических фактов пушкиноведения, что позволяет обойтись здесь без предварительных пояснений.

Не столь популярен, но очевиден и вне текстологических указаний факт концентрации христианской символики и тематики в каменноостровском цикле и предположительно относящихся к нему стихотворениях: «Странник», «Отцы пус-

¹ Измайлов Н. В. Стихотворение Пушкина «Мирская власть»: (Вновь найденный автограф) — Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз., 1954, т. XIII, вып. 6, с. 548—556, его же: Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958, т. II, с. 7—48. Вторая статья вошла в его кн.: Очерки творчества Пушкина. Л., 1975 (здесь автор несколько изменил предположения о составе цикла и высказался по поводу ряда откликов на его работу, появившихся после 1958 г.; в связи с ними см. также: Vickers W. «Воспоминания в Царском Селе» (1814) и «Памятник»: к вопросу о строфике — В кн.: Slavic Poetics: Essays in Honour of Kiril Targovskiy. The Hague; Paris, 1973, p. 494—497). Новейшие работы стимулированы как объяснительными возможностями самой гипотезы, так, по-видимому, и импульсами, идущими от современной поэтики (см. в нашей рец. на кн. Н. В. Измайлова: Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1976, т. XXXV, вып. 5, с. 474): Савченко Т. Т. О композиции цикла 1836 года А. С. Пушкина. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1979, с. 70—81; Зубков Н. Н. Пушкинский лирический цикл 1836 года. — В кн.: Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. М., 1979, с. 11—20; Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982, с. 424—461; Старк В. П. Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина

тынники и жены непорочны...», «Подражание италиянскому», «Мирская власть», «Напрасно я бегу к Сионским высотам...»². Этот ряд уникален в лирике Пушкина, и значение его выходит за пределы вопроса о КЦ. Даже если бы авторская нумерация стихотворений не была известна,— можно было бы говорить о цикле, употребляя этот термин не как описание авторского замысла, а как исследовательскую характеристику материала. Поэтому предлагаем различать: 1) КЦ; 2) духовный цикл 1835—1836 годов, который мог полностью или частично войти в КЦ. Отношения текстов внутри духовного цикла могут рассматриваться и независимо от КЦ.

Другое отправное положение явствует уже из перечня пронумерованных текстов: принципом формирования КЦ — наряду с объединением духовных стихотворений — было противопоставление им по крайней мере одного светского (ИП), т. е. построенного на значимом в контексте цикла отсутствии христианской символики. Между тем именно под впечатлением нумерации, ставящей ИП в один ряд с духовными стихотворениями, противопоставление обычно не улавливается в работах о КЦ. (Мы будем придерживаться для данного круга стихотворений этих условных в применении к ним определений «духовный» и «светский»). Отвлекаясь от текстолого-хронологической точки зрения, можно представить КЦ как трансформацию духовного цикла посредством такого противопоставления.

Предлагаемые далее соображения имеют целью не выяснение пушкинского замысла и не новые предположения о сос-

1836 г. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982, т. X, с. 193—203. Разбор стихотворений цикла, главным образом в лексикологическом плане, см. в кн.: Григорьева А. Д., Иванов А. Н. Язык лирики XIX в.: Пушкин, Некрасов. М., 1981 (раздел о Пушкине написан А. Д. Григорьевой). В работе В. П. Старка сделано очень интересное указание на соответствие нумерации трех стихотворений последовательности поминовения событий Страстной недели. Однако попытка показать, что «сквозной, стержневой темой цикла является» тема «мирской власти» кажется не столь удачной. Для защиты этого тезиса придется утверждать, что Иуда осужден за любоначалье и что в «Подражании италиянскому» «ощущается стихия «мирской власти» (с. 200). Остается также неясным, зачем Пушкину понадобилось объединять с тремя стихотворениями, связанными литургической последовательностью, такой демонстративно светский на их фоне текст, как «Из Пиндемонта».

² Далее эти стихотворения и «Из Пиндемонта» обозначаются сокращенно: Ск, ОП, ПИ, МВ, НЯ, ИП; каменноостровский цикл — КЦ.

таве и композиции КЦ, а выявление тех смысловых связей и соотношений между текстами, которые могли повести к циклизации и так или иначе использоваться поэтом, — того набора возможностей, реализация которых была намечена программой КЦ. Сначала будут рассмотрены стихотворения духовного цикла, затем ИП.

Если КЦ должен был строиться на противопоставлении, то и внутри духовного цикла межтекстовые отношения заключают антитезу — между Ск и ОП.

Достоевский в своей Пушкинской речи, как известно, находил, что в Ск воспроизведен «дух веков реформации», «северного протестантизма». Вообще говоря, не исключен подход, при котором утверждалось бы соответствие этому в том, что ОП является переложением православной молитвы, а ПИ — переводом текста, принадлежащего к католической культуре³. Однако с подобной точки зрения было бы затруднительно связать эти стихотворения с МВ, НЯ, тем более с ИП. Более надежным представляется рассматривать все стихотворения духовного цикла только как «христианские» (с универсальными в смысле этого определения темами веры и сомнения, добродетели и греха, личного спасения, духовного учительства), вне тех исторических и внутрехристианских различий, которые могут быть вскрыты в их источниках.

Остановимся на Ск. В отзыве Достоевского надо разграничить мнение о том, насколько близок Ск к своему английскому источнику — «Путешествию Христианина к блаженной вечности» (1678) Д. Беньяна, и оценку некоторого религиозного акта, описанного Беньяном и Пушкиным. Мнение это (вероятно опиравшееся на параллельную публикацию пушкинского и английского текстов в 1857 г.)⁴ сводилось к указанию

³ Об этом переводе см.: Томашевский Б. Мелочи о Пушкине. II. Источник стихотворения «Как с древа сорвался предатель ученик». — В кн.: Пушкин и его современники. Л., 1930, вып. 38—39, с. 78—81.

⁴ Сравнение текста Ск с источником см.: Габричевский А. «Странник» Пушкина и его отношение к английскому подлиннику. — В кн.: Пушкин и его современники. Пг, 1914, вып. 19—20, с. 40—48; Благой Д. Д. Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962, т. IV, с. 50—74 (здесь же приведен английский текст и русский перевод в изд. 1819 г., которое имелось в библиотеке Пушкина). Впервые о Толстом в связи с Ск упомянули С. А. Венгеров в предисловии к I выпуску сб. «Пушкинист» (СПб., 1914, с. XXII) и Н. О. Лернер в комментариях Венгеровского издания (СПб., 1915, т. VI, с. 466).

на «почти буквальное переложение», а оценка характеризовала «побег» как мистическую ересь.

Достоевский не разделяет Беньяна, его героя Христианина (у Пушкина это именование было заменено сначала на «некий человек», затем на «я») и героя Ск. Он даже одинаково определяет Ск и книгу Беньяна как «странные» (под влиянием заглавия стихотворения?). Назвав Беньяна «английским религиозным сектатором», Достоевский говорил о Ск: «В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется самая душа <...> английского ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреодолимым стремлением и со всем безудержием мистического мечтания»⁵. Этот акцент на мистицизме находится в некотором противоречии с литературной репутацией сочинения Беньяна, установившейся задолго до обращения к нему Пушкина. «Путешествие» (переведенное на многие языки, входившее на родине автора и в круг детского чтения) считалось не «странным», а хрестоматийным произведением. Отзыв Достоевского мог отражать его собственное представление о книге Беньяна — ясно, однако, что прежде всего он говорит о ней сквозь призму пушкинского стихотворения, а не сравнивает переложение с оригиналом. Но именно стихотворение сгустило тот мистический колорит, который был истолкован Достоевским как исторический и адекватный источнику.

Это сгущение — результат пушкинской переработки, основным направлением которой в композиционном плане явился отказ от большей части сюжета (передан лишь начальный эпизод «Путешествия»), а в семантическом плане — отказ от аллегоризма. При этом именно замена аллегорических значений лексическими и целого частью изменили и сюжет и героя. «Тупое стремление», о котором говорил Достоевский, — это побег, происходящий наяву, а не в аллегорическом сне (как у Беньяна), заменивший собой подробно описываемое земной мир путешествие, которое завершается переходом через Реку Смерти в Небесный Град⁶. В основе построения пушкинского

⁵ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. М., 1958, т. 10, с. 456.

⁶ Именно этой заменой обусловлены такие отсылки о Ск, как «таинственный побег из города», «звуки почти апокалиптические» (Гоголь Н. В., Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. VIII, с. 249, 385) или «глухое, мистическое полумоччание, полупророчество» (Огарев Н. П. Избр. произведений. М., 1956, т. 2, с. 484). В «Путешествии» Беньяна, предполагающем не «отчаяние», а надежду на «блаженную вечность», аллегория исключает «таинственность» и не содержит никакого «пророчества» сверх или помимо библейских.

текста принцип, противоположный аллегории, — реализация метафоры. В тексте, начиная с заглавия, создается семантическое поле движения (перемещения человека в пространстве), центром которого становится реализация метафоры пути (путь жизни, путь спасения). Уже в первом стихе, передающем первую фразу английского текста, Пушкин, убрав основной знак аллегорического построения — «сон», снял и метафорический перифраз «пустыня мира сего» (*wilderness of this world*), заменив его квазитопонимическим «долина дикая» (где однако, по-видимому, имплицитно содержится значение «дольный мир»). Метафора пути по сути дела реализована уже здесь, хотя это видно только в сравнении с источником: вместо «*As I walked through the wilderness of this world*» (в переводе 1819 г.: «Шествую пустынею мира сего») — «Однажды странствуя среди долины дикой». И далее глаголы движения, соответствующие источнику⁷ и привнесенные Пушкиным, однотипны в этом смысле с первым: *пришел, пришли, пошел бродить*, как и синтагмы *замысливший побег, спешащий на ночлег* (ср. также: «коль не успеем вскоре Обрести убежище, а где?»)⁷. Сюда же, и явно акцентированно, включается реализация метафоры хода времени (отсутствующей в источнике): «Идет! уж близко, близко время!» Затем по внушению «юноши» герой переводит и «спасенья верный путь» в план физического перемещения — бегства (ср. в противоположность этому отсутствующее в оригинале «на правый путь <...> обратиться» — в описании увещаний). Таким образом, текст открывается и завершается реализованной метафорой, причем в финале она уже независима от источника, поскольку формула «спасенья верный путь и тесные врата» (ее нет в данном месте английского текста) восходит непосредственно к Евангелию. Немного ранее у Беняна слова о тесных вратах сопровождаемы ссылкой: Матф. 7,14. В этом месте Евангелия, конечно, ничего нет о бегстве — предписывается должное поведение в миру, но при общей аллегорической установке эта ссылка, как и множество других библейских ссылок, сопровождающих текст «Путешествия», не создавала разноречия или тем более

⁷ При пародическом «перерождении формы» Ск в «Воре» Некрасова (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 21—22) эта моторность была воспроизведена. В связь с реализацией метафоры пути можно поставить и отмеченную В. Л. Комаровичем в Ск реминисценцию сказки Батюшкова «Странствователь и домосед» (Лит. наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 897, 904).

противоречия с Писанием. В Ск сугубо пространственная трактовка «тесных врат» подрывала евангельскую метафору.

Эта семантика Ск, по-видимому, и внушила Достоевскому мысль о мистической ереси, которую он, зная о текстуальной близости стихотворения к источнику, распространил на Беньяна и его героя. Но каковы бы ни были истоки этой мысли, она фиксирует то, чему противоположны ОП, и поэтому важна для понимания духовного цикла. ОП и Ск описывают противоположные варианты поведения христианского «я». В одном случае — норма поведения верующего: осознание себя «падшим» и обращение к молитве; в другом — еретическое отклонение от нормы, самостоятельное мистическое толкование догмата. В ОП «я» повторяет древний сакральный текст и свидетельствует его духовную действенность — в Ск происходит профанический духовный бунт. Противопоставлены и вдохновители «я». У Беньяна это Евангелист, который вручает герою пергамент с библейским изречением; Пушкин заменил Евангелиста на «юношу, читающего книгу», а эпизод вручения опустил, — выдвинув признак «книжности» и ослабив признак санкционированности свыше⁸ (не снимая его полностью). Тем самым подчеркнута еретичность героя, который принимает руководство незнакомца, лишенного ясных атрибутов освещенности. Контраст с ОП очевиден.

В ОП нет метафоры пути, но пространственный аспект в семантической организации стихотворения есть. Верх дан в стихе 2 («области заочны»), низ — в стихе 3 в определении «дольные». Движение в противоположность Ск чисто духовно: «возлетать во области» — метафора определенного духовного состояния — «сердцем возлетать», с приравнением этой синтагмы к другой, лишенной моторного значения, — «укреплять его» (ср. фразеологизм «скрепя сердце»). Движение направлено только вверх, но не вдаль, как в Ск (даль указуя перстом); цель его не может быть усмотрена физическим зрением («во области заочны», ср. далее «зреть <...> прегрешенья»), тогда как герой Ск видит свет «оком <...> Как от бельма врачом избавленный слепец» (сравнения нет в источнике) и

⁸ Это дало возможность Огареву (указ. соч., с 481) сказать о самом Пушкине: «искал юношу, читающего книгу, который бы указал ему дорогу к свету», — в контексте размышлений о том, что «если бы пуля странствующего искателя приключений не прекратила дней» поэта, он отошел бы от «увлечения Николаем и централизацией» и «воскрес бы к впечатлениям свободы».

спешит «узреть» тесные врата, что связано с физическим же перемещением («оставя те места»). Пространственные значения в ОП локализованы в стихах 2—3, но действие их продолжено, поскольку синтаксически они заключены в целевых конструкциях (с двумя «чтоб»), относящихся к каждой из «множества <...> молитв», в том числе к перелагаемой в последующих стихах (ср. *возлетать* — *падший*, *укреплять* — *крепит*). Кроме того, последние слова стихотворения — «в сердце оживи», заключающие перечисление добродетелей, отсылают к начальному «сердцем возлетать»⁹, чем описывается второе — наряду с «крепит» — действие молитвы на «я». «Я» достигает (или должен достигнуть) тех целей («чтоб сердцем возлетать <...> и укреплять его»), ради которых сочинена молитва.

Ск и ОП занимают взаимно диалогические позиции¹⁰. Известно, вошел ли бы этот диалог в КЦ (что представляется вероятным), но в контексте духовного цикла он существует и может быть вычленен как потенциальный фрагмент КЦ.

Отношения Ск и ОП осложнены четверостишием НЯ. Текст дает возможность идентифицировать «я» четверостишия с «я» любого из рассмотренных двух стихотворений. НЯ может быть либо тем, на что ОП отвечают, либо ответом на ОП (грубо говоря: напрасно я молюсь), т. е. потенциально дублирует функцию Ск, но несет иное, более узкое противопоставление, не связанное с «ересью». По отношению к Ск НЯ может быть представлено в качестве лирического метаописания сюжета Беньяна либо в качестве реминисценции отдельных отрезков сюжета — например, как объяснение (себе или Евангелисту),

⁹ А также дают лексическое соответствие к «живот» в начальной же формуле молитвы «Господи и владыко живота моего», выше в ОП замеченной на «владыко дней моих».

¹⁰ Ср. в этом плане свидетельство восприятия духовных стихотворений Пушкина неохристианской мыслью, оставленное Вл. В. Гиппиусом: для него Ск — «необыкновенный документ последних лет жизни Пушкина, художественно — такой же возбужденности, как «Цыганы», похожий на отрывки из Житий святых по своему смыслу» (оценка, контрастирующая по религиозному содержанию с пониманием Достоевского); тогда как ОП он находил риторичными и «скучными по вялости ритма». «И потому он <Пушкин> был правее не тогда, когда тянулся в религиозное сознание опустошенного и онемелого христианства, но когда — в своей страстности, в своем грехе, в своей грешной влюбленности — находился в самом процессе христианского бытия» — далее цитируется НЯ (Гиппиус. В. В. Пушкин и христианство. Пг., 1915, с. 30, 38—40).

почему «к суду я не готов», или конспект тех (не переведенных Пушкиным) эпизодов путешествия, где пилигримов подстерегают львы (аллегория сатанинского, злого, греховного¹¹). В своем промежуточном между Ск и ОП положении НЯ соединяет и уравнивает их пространственно-моторные признаки. С одной стороны, речь идет о духовном движении, цель которого идентифицируется с «областями заочными»; с другой,— оно представлено как физическое перемещение. Направление движения выражено синтаксически двусмысленно: «бегу к <...> высотам». близкое к «возлетать во», не исключает «дольнего» значения «перемещение по...» (что связано и с номинацией сакрального пространства через географическое имя), которое дает частичную аналогию с пространственной трактовкой пути спасения и тесных врат в Ск. Следующие три стиха и развивают эту семантику «низа».

Высказывалась мысль, согласно которой НЯ, написанное на одном листе с черновиком ИП, является «репликой», отражающей «сознание утопичности идеала», намеченного в ИП¹². Эта мысль основана на двух отождествлениях: власти с грехом и «идеала» ИП с «Сионскими высотами». Правомерность первого отождествления вызывает сомнения. «Грех» в НЯ, скорее всего, надо понимать в собственном смысле слова; речь идет о своих, а не о чужих грехах. Но если это первое отождествление в контексте КЦ и допустимо, то второе — совершенно невозможно, или надо приписать Пушкину безразличное использование библейской символики (тем удивительней, что эту невозможность не видит автор, специально разъяснивший ряд православных реалий, связанных с КЦ¹³). «Себе лишь самому служить и угождать», панэстетизм —высоты на принципиально иной шкале ценностей, чем та, которая действует в НЯ. С точки зрения последней, стремления, высказанные в ИП,— грех, закрывающий путь к «Сионским высотам». Для Пушкина и его читателей две системы ценностей могли либо

¹¹ О значениях символа «лев» у Беньяна см.: *The Pilgrim's Progress from this world to That which is to Come* by John Bunyan./Ed. by J. V. Wharey. Oxford, 1960, p. 320. |

¹² Петрунииа Н. Н. Фридлендер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 67, 71—72 (статья о НЯ написана Н. Н. Петруниной). Краткое не конкретизированное замечание о «тесной идейной зависимости» между ИП и НЯ содержится в статье: Розанов М. Н. Об источниках стихотворения Пушкина «Из Пиндемонте». — В кн.: Пушкин: Сб. 2. М.; Л., 1930, с. 126, прим. 2.

¹³ Старк В. П. Указ. соч., с. 203.

сосуществовать, либо противопоставляться, но никак не отождествляться. Единственная возможность — рассматривать НЯ в том же плане, что Ск и ОП¹⁴.

ПИ резко отличается от других стихотворений духовного цикла отсутствием «я» и поэтому находится вне коллизии, образуемой тремя рассмотренными стихотворениями. Но в аспекте пространственной организации оно явно с ними корреспондирует, представляя движение вниз, в подземный мир. С НЯ оно связано и другими рядами соответствий. Таковы зоо- и антропоморфные части, названные и подразумеваемые: *лицо, лик, рога, уста, гортань* (метафора) — *пята, ноздри* (в вариантах НЯ также: *ребра, хвост, грива* — III₂, 1029); если при этом лев отождествляется с дьявольскими силами, как у Беньяна¹⁵, то ряд *гладная (зеенна) — голодный (лев), алчный (грех)* дает соответствие не только эпитетов, но и определяемых¹⁶. Далее: «приник, дхнул» — «ноздри <...> уткнув»; *смердная — пахучий* с перифрастическим соответствием определяемых: *добыча — олень* («оленья бег»)¹⁷. Переключки создают общий для двух стихотворений план — персонафикации зла.

МВ связана очевидными контрастными соответствиями с ПИ (муки Христовы и смерть Иуды, *древо*, синтаксическое сходство первых стихов), темой любования — с ОП и в то же время вводит в духовный цикл светское начало, образуя переход к КЦ (напомним, что мы отвлекаемся от хронологии создания стихотворений). В ИП светское полностью замещает собою духовное. Замысел КЦ предполагал, как видно, определенную градацию в соотношении духовного и светского: в МВ оно было основой построения, в ИП — устранено из текс-

¹⁴ Ср.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина, с. 251.

¹⁵ См. также примеры из Псалтири (Петрунина Н. Н. Указ. соч., с. 69); ср. 1 Петр 5, 8. Из подобных примеров в поэзии ср., в частности, именованная сатаны в стихотворении Кюхельбекера «Ангел»:

Ревущий, алчный лев, довец ненасытимый,
Хулитель древний, темный, падший дух.

(Кюхельбекер В. К. Избр. произведения: В 2-х т. М.; Л., 1967, т. 1, с. 289).

¹⁶ Одна из зачеркнутых строк НЯ — «Так ревом яростным пустыню оглашая» давала также соответствие звуковому фону ПИ (*плеща, с хохотом, шумно*).

¹⁷ Параллель к последнему стиху НЯ из А. Шенье указана А. А. Ахматовой (Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972, с. 40—41. Ср. замечания В. Непомнящего: Вopr. лит-ры, 1978, № 1, с. 222—223).

та и представлено исключительно в силу межтекстовых связей цикла. В ИП действие этих связей актуализует языческую окраску «богов» стиха 3 и усиливает значимость употребления разговорного околемеждометного «Бог с ними» в стихе 13 (невозможного в духовных стихотворениях). Эта двукратная игра с клише — и само соседство «богов» и «Бога»¹⁸ — акцентирует отсутствие христианской символики в ИП. Ту же функцию и на том же лексическом материале выполняет игра оттенков значения в определении «божественные» в стихе 18. Другой знак светского — литературная цитата в ИП на фоне воспроизведения и реминисценций религиозных текстов в стихотворениях духовного цикла¹⁹.

По своей пространственно-моторной организации МВ расподоблена с остальными стихотворениями духовного цикла — в ней нет движения. Это расподобление задано статическим начальным эпизодом и подтверждено квазидвижением концовки («гуляющие господа»). Другого рода отличие — в

¹⁸ Подобное смешение встречается в комических и сатирических жанрах (оттуда же в первых двух строфах «Евгения Онегина» — *боже мой, черт, Зевес*; ср.: Лотман Ю. М. Три заметки о Пушкине: 1. «Когда же черт возьмет тебя». — В кн.: Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979, с. 91—95). Так, в нозле Д. П. Горчакова царица (Екатерина II) отказывается приветствовать младенца Христа, говоря: «Зачем к нему я поплыву? И так с богами я живу. С Эротом и со славой». И. М. Долгорукова (о взяточнике):

А сей, приемля дар тихонько в кабинете,
Благодарит богов: не худо жить на свете!
И вправду вить нельзя того грехом назвать,
Что богу и царю — обонм вдруг солгать.

(Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959, с. 105—106, 389—390). То, что семантическая редукция в формуле «бог с ними (с ним, тобой, вами)» была нормой для начала XIX в., видно из текстов, в которых предполагается окказиональное оживление ее смысла, как в следующей эпиграмме Илличевского: «В чем разноречит он с читателем своим? Он пишет: «С нами бог!», тот говорит: «Бог с ним». (Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975, с. 336). Такое оживление, по-видимому, входит в подобных случаях в механизм кощунства (в смысле ст.: Живов В. М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — нач. XIX в. — В кн.: Труды по знаковым системам: XIII. Тарту, 1981); но цензурное чтение (ср. там же, с. 77—80) могло вообще не считаться с редукцией.

¹⁹ В Ск обнаружена цитата из Карамзина, но — из его вариации на тему Экклезиаста («Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста»). См. комментарии Ю. М. Лотмана в кн.: Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений М.; Л., 1966, с. 394—395.

синтаксическом и семантическом строе стихов 11—22, представляющих собой цепь вопросительных фраз с «экспрессивно-синтаксическим надломом» на стыке стихов 20—21²⁰. Отличие не только в длине цепи, но главным образом в риторическом характере вопросов, особенно ошутимом в сравнении с вопросительными фразами в Ск. При этом в МВ вопросы и предваряющая их фраза содержат иронию, которая, непосредственно развивая тему, выступает здесь и как показатель светского начала текста и КЦ²¹. Эта смысловая черта и в той же функции повторена и ИП (где ср. также риторический вопрос в стихе 13 и ранее конструкцию косвенного вопроса с «ли—иль»). Она нарушает запрет великопостной молитвы на «суждение»²². Но соотношение ИП и ОП требует более детального рассмотрения.

В построении ИП обнаруживается близость к композиционно-тематической схеме переложной Пушкиным молитвы: «я» сначала говорит о том, чего себе не желает («громкие права»), — и эта 1-я часть стихотворения соответствует формуле «любоначалия и празднословия не даждь ми», — затем о том, чего желает («лучшие права»). Соположенные в молитве, любоначалие и празднословие отождествлены в стихах 1—9 ИП, так что первое выступает в форме второго²³. Это

²⁰ Виноградов В. В. Язык Пушкина. М.; Л., 1935, с. 116—117.

²¹ Если верно указание Вяземского на реальную ситуацию, отраженную в МВ (см.: Старк В. П. Указ соч., с. 201—202), то возможно и вероятно, что ирония направлена не только против адресата, названного в заглавии, но и против церковных властей. Не исключено, что Пушкин имел в виду приблизительно то же, что говорил о русском духовенстве (с петровского времени) в черновике письма к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. («Точно у евнухов — у него одна только страсть к власти. Потому его боятся» — XVI, 422; подлинник на франц. яз.). С МВ следует сопоставить эпиграмму, сочиненную в связи с открытием Александровской колонны и приписывавшуюся Пушкину:

В России дышит все военным ремеслом,
И ангел делает на караул крестом.

(Русская эпиграмма, с. 440).

²² Эту формулу молитвы Ефрема Сирина ср. с Матф. 5, 22—24; 7, 1; Лук. 6, 37; Рим. 2, 1.

²³ Это весьма характерно для тех моментов русской общественной мысли, когда в ней преобладает (видимо, органичное) негативное отношение к парламентской форме правления или, по крайней мере, убеждение в невозможности ее в России. Слово понимается в противопоставлении

полностью соответствует определению, которым снабжено «любоначалие» в ОП (не в молитве Ефрема Сирина): «змен сокрытой сей». Во 2-ю часть ИП²⁴ введен — с противоположным по отношению к молитве знаком — мотив праздности («По прихоти своей скитаться здесь и там»). Таким образом, все три термина «негативной» части молитвы отражены в ИП.

Но если описание «громких прав» накладывается на формулу молитвы как развитие на другом — светском, гражданском языке двух ее тем, их «применение», то описание «лучших прав» глубоко противоречит христианской этике. «Бог» (хотя бы в семантически редуцированном речении) на разрыве стиха 13 отходит к «царю» и «народу» — право «никому отчета не давать» должно освободить «я» и от отчета Богу. Последующий текст прокламирует индивидуалистическую и — в контексте КЦ — секуляризованную программу, которая,

«делу», т. е. как нечто эфемерное, недостаточное, — и в то же время как нечто большее, чем слово, ему приписывается особо коварная «власть». У Пушкина это представление отразилось в «Клеветникам России» и «Бородинской годовщине», где, с одной стороны, «Вы грозны на словах — попробуйте на деле!», «Кому венец — мечу иль крику?», а с другой, именно в этих «словах» и «крике» предполагается опасность европейского конфликта. Источник опасности — те, в ком реализуется свобода слова, — «народные витии», «мутители палат», «легкоязычные витии», причем трижды употребленная рифма «витии — России» закрепляла противопоставление (в ИП не действующее). Риторический рисунок этих стихов был намечен еще в 5-й строфе наброска «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», где есть и рифма «витии — России», но там негативная оценка «витий» дана с точки зрения «владыки севера» — Александра I. (Ср. использование варианта этой рифмы Блоком в «Двенадцати»). Доводы в пользу существования цензуры в «Путешествии из Москвы в Петербург» также основаны на уверенности в том, что в слове скрыта власть и что «класс писателей» может составлять «аристокрацию самую мощную, самую опасную». Вяземский, прекрасно понимавший политическую жизнь конституционных государств, тем не менее находил во Франции «самодержавие слов» (подробнее см. в нашей статье «О мировоззрении П. А. Вяземского после 1825 года». — Пушкинский сборник. Рига, 1974, вып. 2, с. 133—134).

²⁴ Антитеза «громкие права — иные, лучшие права» обуславливает жесткое смысловое членение стихотворения. Но в членении самого текста твердой границы нет. После стиха 9, где графический курсив является и смысловым и композиционным — заключающим развитие первой темы, анафора стихов 10—11 подчеркивает приступ ко второй теме, но стихи 12—13 возвращаются к прежней, иначе ее освещающая — вскрывая связь любоначалие за зависимостью. Только после этого последним словом стиха 13 начинается развитие второй темы, заявленной в стихах 10—11, причем стихи 15—16 снова касаются темы власти.

воположное отношение «я» к «правам» и к молитвам (и разное действие их на человека):

не дорого цену	— умиляет
кружится голова ²⁶	— сердцем взлетать во области заочны и укреплять его
морочит олухов ²⁷	— падшего крепит.

Во второй из этих пар содержится и антитеза «голова (рассудок) — сердце (чувство, вера)». По очевидным признакам соотносятся:

мало горя	— печальные
Зависеть от царя, зависеть от народа ²⁸	— владыко дней монах
Скитаться здесь и там	— сердцем взлетать во области заочны.

²⁶ Ср. отброшенный стих «Как будто опьянев, беснуются народы» (III, 1029).

²⁷ Первоначально было: «морочит публику». Здесь, по-видимому, цитата из Шамфора (см.: Ш а м ф о р. Максимы и мысли. Характеры и анекдоты. М.; Л., 1966, с. 110). Ср. в «О ничтожестве литературы русской» о французских писателях и публике: «Публика» (о которой Шамфор спрашивал так забавно: сколько нужно глупцов, чтоб составить публику), легкомысленная и невежественная публика была единстве<ною> руководительницею и образовательницею писателей» (XI, 504). Ср. использование этой же остроты с заменой «публики» «народом» (то близко к ходу мысли в ИП, где имеется в виду «публика» парламентского, «народного» государства) у Вяземского, который, цитируя в письме к А. И. Тургеневу (от 15 августа 1819 г.) свой аполог «Медведь», писал: «Сколько глупцов нужно на публику?» — спрашивал Шамфо. Народ (то есть глупцы) всех наших дел и цель и судия» (Остафьевский архив. СПб., 1899, т. 1, с. 291). Ср. также позднюю (1874) эпиграмму Вяземского «Слово Шамфора» (Вяземский П. А. Сочинения. М., 1982, т. 1, с. 368).

²⁸ Чтение белого автографа «зависеть от властей» (вместо «о: царя»), несомненно, является результатом автоцензуры — это отметил Б. В. Томашевский, указавший, что оно разрушает противопоставление «народу», т. е. другому типу власти (Лит. наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 318). То же мнение, с указанием на ошибочность решения в III, 420: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина, с. 254, прим. 63. Томашевский считал, что в стихе 15 «для власти» подразумевается демократию, «для ливрен» — самодержавие (дающее «ливрею»). Рифма «ливрен — шей», при совпадении мотива «гнуть шею», возможно, восходит к эпиграмме А. Бестужева на Жуковского «Из савана оделся он в ливрею...», где стих 6 читается: «Пред знатными сгибая шею, а 7-й и последний 8-й могли ассоциироваться у Пушкина с его камер-юнкерством: «Он руку жмет камер-лакею. Бедный певец!». С теми же стихами ИП ср. также «не гнув спины, ни совести в дугу» в стихотворении Вяземского «Казалось мне: теперь служить могу...», которое было скопировано и правлено Пушкиным (Рукою Пушкина. М.; Л., 1935, с. 511—512; Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 274—275).

Последняя пара фиксирует соотношение по пространственно-моторному признаку и варьирует ту коллизию между духовным и физическим, метафорическим и неметафорическим движением, которая была показана в стихотворениях духовного цикла. (Если КЦ состоял из шести стихотворений и на первое место, как допускал Н. В. Измайлов, был бы поставлен Ск, цикл оказался бы обрамлен «странничеством — скитальчеством» I и VI стихотворений). Пара может быть образована и иначе: «скитаться» соединено с описанием определенного состояния, понимаемого как высшая ценность, и весь данный фрагмент ИП соотносим с указанным фрагментом ОП по этому ценностному признаку. Движение в ИП и материально, и духовно. Оно является в стихотворении единственной конкретизацией формулы «себе лишь самому Служить и угождать».

Ряды смысловых соответствий обобщаются в том, что «молитвы» и каждый из членов основной антитезы ИП «громкие права — иные, лучшие права» оказываются (по разным основаниям) противопоставленными. В этом противопоставлении участвуют и семы «множества» и «повторения» (беря их обозначения из текста ОП), явные в одном стихотворении и неявные в другом. Множество повторяющихся («священник повторяет») молитв — множество (описанное «примерами») «прав», уподобленных повторяющимся словам, — множество «красот» и «созданий».

Те же семы присутствуют в «скитаться здесь и там, дивясь <...> трепеща», чему способствует глагольный строй текста, в котором, как и в ОП, доминирует несовершенный вид (*оспоривать, мешать, морочит, стесняет, служить, угождать*; что касается инфинитивов, то в «программной» части ИП они противостоят императивным конструкциям молитвы). В обоих текстах наряду с признаком «множества» значим признак «собираемость — единичность, исключительность». «Множество молитв» предполагает особность каждой в силу атрибута «божественности»; одна из них выделена «я» по личному выбору. То же свойство предполагается у «красот» и «созданий», но не у «громких прав». Ср. по этому признаку: «не одна голова» (в отброшенном стихе: «народы»; ср. «Народ (der Omnis)» в наброске рецензии на «Историю поэзии» Швырева) — «отцы пустынники и жены непорочны».

Поскольку «громкие права» приравнены к «словам», т. е. «празднословью», то значимо и противопоставление «слова — молитвы», причем цитирование, посредством которого в одном

тексте подтверждается «словесная» сущность «прав», в другом — транссловесная, ценностная — молитв, стремится придать обоим членам антитезы иконический характер. Интересны некоторые черновые варианты ИП, показывающие, как осуществлялось отождествление «слов» с «празднословием», а «прав» со «словами» и как расчищалось семантическое поле, на котором словесные произведения — молитвы оказались противопоставленными словам же. Первоначально в ИП жертвой цензуры был назван «вдохновенный ум», а власти — «мысль непреклонная» (II₂, 1031, 1032). Но ни то, ни другое не могло быть объявлено празднословием, и эти варианты были заменены (окончательное «помыслы» вместо «мысли непреклонной» скрадывает творческий момент, и весь стих «Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шен» подразумевает более личное биографическое поведение, чем творчество). В окончательном тексте участь вдохновения и ума — следовательно, и литературы, перифрастически названной по крайней мере в одном из приведенных вариантов, — игнорируется. Именно это позволяет объявить «слова» чем-то не несущим подлинной ценности. Цитата из «Гамлета» в данном случае несет функцию дискредитации не только «прав», но и «слов», чем они (имплицитно и литературно) исключаются из системы ценностей «я» (ср. у Шекспира контекст реплики Гамлета, относящейся к книге, чтению). Что это так — подтверждается в стихах 18—19: «создания искусств» в ряду с «природы красотами» — явно произведения невербальных (и не сценических), изобразительных искусств, с которыми прежде всего знакомятся путешественники (ср. вариант: «Перед созданиями искусств и вдохновенья Замедливать свой путь» — III₂, 1032, т. е. осматривать, созерцать, но не читать); на это указывает и предлог «перед» (ср. о литературе: «над вымыслом слезами обольюсь») ²⁹. Тем самым конструкция «дивясь... трепеща...» оказывается сопоставимой с «видеть», «зреть» в Ск и ОП (ср. «мы зрим» в МВ), совмещая признаки физического и духовного зрения (ср. выше о движении в ИП). Пространственная семантика фразы распространяется здесь и на эстетические объекты, о которых идет речь, относя их к искусствам пространственным и включая искусства временные — слово

²⁹ Источники ИП — стихотворения Мюссе и Пиндемонте не подсказывали подобных решений. Напротив, оба этих автора, противопоставляя искусство политике, называли имена великих европейских поэтов. См.: Розанов М. Н. Указ. соч., с. 125, 136.

и музыку. Соположение с «природы красота́ми» вносит риторически существенный оттенок «перфектности» (он еще сильнее в черновом тексте, где было «божественной природы», а не «божественным красота́м»): «вдохнове́нье» уже воплощено в «созда́нья» — искусство настоящего как бы не существует, современности оставлена только «печать». Вопрос же с том, может ли «вдохновенный ум» или «мысль непреклонная» выразиться в парламентских дебатах или печати, — в ИП не ставится (в отличие от «К вельможе»: «Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый, Пружины смелые гражданственности новой» или от заметки «Обозрение обозрений», где характерным для европейской журналистики признана как раз невозможность и невыгодность использовать свободу печати для того, чтобы «морочить олухов»). Так «слова» в ИП получили то значение, которому стало возможно противопоставить «молитвы». В пределах КЦ только молитвы (и «книга» в Ск) представляют словоченность. Уместно здесь напомнить, что в своих историко-литературных заметках Пушкин отделял духовную письменность от собственно литературы: пастырские послания, «утешая сердца в тяжкие времена искушений и безнадежности», «не принадлежат к чистой литературе, так как имеют иное назначение» (XI, 268; XII, 208, подлинник на франц. яз.). Молитвы мыслятся, конечно, в том же качестве. Литература непрерывно создает новые тексты, тогда как идеальным осуществлением «иного назначения» является книга, которая «не заключает уже для нас ничего неизвестного», «половица народов». А благодаря устранению «литературы» из ИП тот не религиозный тип духовности, который представлен в стихотворении, так же как противопоставленный ему в КЦ христианский тип, обоснован на «внелитературных» и «старых» ценностях: вместо Евангелия и молитв — природа и искусство музеев и архитектурных памятников.

Столкновение этих двух типов может быть прослежено в структуре текстов на протяжении всего пушкинского творчества³⁰. В лирике (здесь речь будет идти только о ней) до конца 20-х годов доминирует светский тип — христианский не явля-

³⁰ В стилистическом плане эволюция от ранней «пушкинской риторики», где церковнославянская символика опрокидывалась «в систему либерально-атеистического мировоззрения», до «цикла религиозных стихотворений», где она играет «композиционно-организующую роль», рассмотрена В. В. Виноградовым (указ. соч., гл. IV—V).

ется лирическим объектом, он пародируется и подвергается кощунственному смешению с чуждыми элементами. Это смешение происходит в нескольких «светских» семантических сферах, прежде всего эротической, где христианской символике противопоставлена античная — языческая (характерны конструкции: «апостол мудрой веры Анакренов и Нинон», «набожная ночь с молодой монашенкой Цитеры», «крестница Киприды» и т. д.). Сюжеты христианской мифологии и догматики используются как темы мадригалов («Не веровала я троице донине...», «Ты богоматерь, нет сомненья...»). Функционально сходным образом применяются христианские символы в стихах о поэзии и литературной борьбе («Христос воскрес, питомец Феба...», «В альбом Илличевскому») и в политической лирике («В. Л. Давыдову», «Свободы сеятель пустынный...»). С таким их применением связаны и существенно новые явления, где христианский тип уже стал лирическим объектом, — «Жил на свете рыцарь бедный...», «Мадона», но «Монастырь на Казбеке»³¹ и особенно «В часы забав иль праздной скуки...» порывают эту связь. Сюжет последнего стихотворения — столкновение светского, литературного слова («изнеженные звуки», «струны лукавой <...> звон») со словом духовным («речи благоуханные», «арфа серафима»), что предвещает противопоставление «молитвы — слова (литература)» в КЦ.

Наконец, в духовном цикле христианская символика и тематика получают доминирующее значение (ср. «На Испанию родную...», «Родрик»). Показательным для этой эволюции справедливо считается то, что в 1836 году Пушкин перелагает молитву, которую пародировал в 1821 году в письме к Дельвигу (см. XIII, 25)³². Такого же рода прецедент, хотя и более

³¹ Об этом стихотворении см.: Григорьева А. Д. Указ. соч., с. 107—115.

³² Не позднее начала 20-х годов написано и четверостишие Тютчева, пародирующее ту же молитву Ефрема Сирина (см.: Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965, т. II, с. 38, 336). Об отношении к ней Пушкина см. также: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1882, т. VII, с. 508. Мы не касаемся здесь очевидной связи духовного цикла с пушкинскими рецензиями в «Современнике» на сочинения Г. Кониского, С. Пеллико и «Словарь о святых». Следует назвать также обычно не упоминаемую по этому поводу незаконченную рецензию на «Путешествие к св. местам» А. Н. Муравьева, где, в частности, выдвинута антитеза, особенно любопытная в сравнении с приведенными выше примерами оксюморонных «христианско-античных» конструкций: «<...> Молодой поэт думал о ключах св. храма, о Иерусалиме, ныне забытом христианскою Европою для суетных развалин Парфенона и Ликейя» (XII, 217).

частный, имеется для МВ. В послании А. И. Тургеневу 1817 года к стихам, типичным для молодого Пушкина по характеру использования христианской символики, —

Один лишь ты, любовник страстный
И Соломирской и креста,

— сделано примечание: «Креста, сиречь не Анненского³³ и не Владимирского, а *честнаго* и животворящего» (выделено Пушкиным). Оба эти определения креста есть в МВ, где, как и в ОП, мирское и духовное «мсяются местами» по сравнению с лирикой 10-х — начала 20-х годов.

Однако эта мена не только не снимает коллизию, но скорее создает условия для обострения ее. В этом смысле она сближает последний отрезок эволюции не со вторым, промежуточным, а с первым. В КЦ соотнесение духовных стихотворений с ИП, акцентирующим светское начало (через послание «К вельможе» ИП сопоставимо и с ранней гедонистической лирикой), дает новый вариант коллизии духовного и светского и переносит ее на межтекстовый уровень³⁴.

³³ Ср. «бог всех с анненской на шее» в куплетах Вяземского «Русский бог».

³⁴ Иной (но не принципиально иной) вариант дало бы включение в КЦ стихотворения «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (см. Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина, с. 244—245, 256—257). в котором — на фоне духовных текстов — трактовка темы смерти выглядела бы кошунственной.

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПРОБЛЕМЫ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
РИГА 1983